Certain elements are found to be common to all the prologues: the speaker explains who he is (§ 1); he tells the spectators where the action takes place (§ 2); names the most important characters of the play (§ 4), and briefly describes them (§ 5); relates the events preceding the action of the play, both events of long ago and those which took place just before the play opens (§ 3); describes the situation of the main characters at the start of the action (§ 6); gives the main elements of the plot and in some cases even its ending (§ 7); motivates his own appearance on the stage (§ 8) and his departure from it, after announcing who will appear next (§ 9); the prologue often begins with an address to a deity or to a place (§ 10). There are certain common features in the genealogical accounts (they start from the distant mythological past and are brought down to the dramatic date of the play), in the position of the main characters as they appear on the scene (most often the action takes place before an altar or a palace) and in the nature of the conflict (the heroes are persecuted unjustly), etc.

Though all the prologues plainly follow a common pattern, each monologue has its own individuality, its unique emotional colouring. Within the overall scheme the poet gives new content and new characters each time, and so every prologue shows originality within the repeating pattern. Variety is also achieved by changing the order and length of the different parts of the scheme.

Thus there are two aspects of all the Euripidean prologues: the inevitable general pattern, resulting from the function of the prologue to acquaint the spectators with all they need to know in order to understand the play; and the features which are unique in each prologue, determined by the plot which the prologue introduces.

БЫЛ ЛИ ТАНАИС РАЗРУШЕН ПОЛЕМОНОМ?*

«Был ли Танаис разрушен Полемоном?»—так называется один из серии этюдов С. А. Жебелева по истории античных государств Северного Причерноморья¹. В этой небольшой по размеру, но весьма значительной по содержанию работе автор ее справедливо опровергает распространенное в науке представление о полном разрушении города, разрушении окончательном, в результате которого город был якобы даже перенесен на другое место. Аргументируя этот свой основной тезис, С. А. Жебелев уточняет интерпретацию употребленного Страбоном термина ἑξέρρηθη и сопоставляет предлагаемое им понимание этого слова с анализом исторической обстановки на Боспоре и в Нижнем Подонье. При освещении вопроса о разрушении города Полемоном, равно как и других важнейших вопросов по истории Танаиса, в работе, изданной в 1935 г., Сергей Александрович мог опираться лишь на весьма ограниченный круг источников: текст Страбона и данные строительных надписей, собранных В. В. Латышевым во II и VI томах IOSPE. Археологических материалов, которые можно было бы сопоставить с данными Страбона и эпиграфики, в распоряжении Сергея Александровича не было.

В 1949 г. была опубликована книга Т. Н. Книпович «Танаис», где сведен и проанализирован весь археологический материал из Недвиговского городища, хранящийся в музеях, и детально рассмотрены все литературные и эпиграфические свидетельства. Книга эта и сейчас служит настольной для каждого исследователя Танаиса, так как она подводит научный итог всех результатов работ, проведенных до начала систематических раскопок, и делает все обобщения и выводы, которые можно было сделать на основании разрозненного и ненапортизованного материала из Недвиговки и разведочных раскопок других поселений в области Нижнего Дона.

* Доклад, прочитанный в ЛОИА на заседании, посвященном памяти С. А. Жебелева 6 марта 1968 г.

¹ С. А. Жебелев, Боспорские этюды. III. Был ли Танаис разрушен Полемоном? ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1935, стр. 37—45. Статья переиздана в посмертном сборнике работ С. А. Жебелева «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 195—04. Здесь эта статья цитируется по первому изданию.

Однако только результаты планомерных археологических раскопок Недвиговского городища, непрерывно ведущихся с 1955 г., позволяют сделать попытку дать документально обоснованный ответ на вопрос, был ли Танаис разрушен Полемоном, и дают возможность более полного и широкого истолкования скудных текстов строительных надписей на фоне политической и социальной истории города и тем внести ясность в некоторые другие вопросы, затронутые Сергеем Александровичем в цитированной его работе. В этой связи представляет интерес и новая надпись, датированная 229 годом н. э., найденная при раскопках западной оборонительной стены Танаиса в 1965 г.³

Предположение о существовании двух Танаисов, «раннего» у станции Елисаветовской и «позднего» возле хутора Недвиговки, возможность чего допускал и С. А. Жебелев⁴, сейчас следует окончательно признать несостоятельным⁵, тем более, что результаты раскопок Елисаветовского городища за последние годы рисуют его как поселение, созданное местными племенами, а не как боспорскую апойкию⁶.

Время возникновения древнего города возле хутора Недвиговки археологически сейчас установлено точно: первая четверть III в. до н. э.⁷ Страбон сообщает, что Танаис был основан «эллинами, владеющими Боспором»⁸. «Эллинским городом» называет его и Александр Поллестор⁹. Однако исследователи давно уже отмечали, что в строительных надписях Танаиса отражено существование в городе двух групп населения: «эллинов» и «танаитов»¹⁰, имевших каждая своих архонтов — «эллинарха»¹¹ и «архонта танаитов»¹². По поводу такого разделения жителей по этническому признаку, о котором мы узнаем из надписей о строительных работах последних десятилетий II и первой половины III в. н. э., и об интерпретации терминов «эллины» и «танаиты» высказывались самые различные суждения. С. А. Жебелев, например, полагал, что «эллины» — танаитские граждане, а «танаиты» — туземцы и приезжавшие в Танаис не с Боспора греческие и римские купцы, т. е. все не граждане Танаиса, которые постоянно или временно проживали в Танаисе по торговым делам¹³. В. В. Латышев, наоборот, считал, что «танаиты» — граждане Танаиса, а «эллины» — приезжие купцы¹⁴. Т. Н. Книпович предполагает, что как «эллины», так и «танаиты» были гражданами Танаиса и что такое деление города на «эллинов» и «танаитов» сложилось в результате борьбы между верхушками двух групп населения: местной — «танаитов» и греческой — «эллинов», т. е. выходцев с Боспора, и нашло свое отражение в надписях римского времени. В то время, когда сложилась такая организация, она, очевидно, отражала

³ А. И. Болтунова, Новая строительная надпись из Танаиса, сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», посвященный памяти акад. С. А. Жебелева, М.—Л., 1968, стр. 46—56.

⁴ Жебелев, ук. соч., стр. 39.

⁵ Д. Б. Шелов, К истории Танаиса, ВДИ, 1959, № 4, стр. 119; А. И. Болтунова, Ранний Танаис, сб. «Археологические раскопки на Дону», Ростов-на-Дону, 1962, стр. 81; он же, К истории Танаиса (по данным эпиграфики), «Кlio», Bd. 42 (1964), стр. 198 сл. Д. Б. Шелов, Боспор и Танаис в III—I вв. до н. э., ВДИ, 1967, № 4, стр. 36—37.

⁶ Найденные в поздних слоях городища при раскопках 1928 г. остатки строительства городского типа, о которых пишет Т. Н. Книпович («Опыт характеристики Елисаветовского городища по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г.», ИГАИМК, вып. 104, стр. 179 и 199), могут свидетельствовать лишь о том, что в данном поселении проживала, вероятно с торговыми целями немногочисленная прослойка приезжих с Боспора, оказавших, возможно, некоторое влияние и на быт наиболее состоятельных слоев абортенгов.

⁷ Шелов, Боспор и Танаис в III—I вв. до н. э., стр. 36; он же, О времени возникновения Танаиса, сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья».

⁸ Strabo, XI, 2, 3: κτίσμα τῶν τὸν Βόσπορον ἐχόντων Ἑλλήνων.

⁹ Steph. Byz., s. v. Ταναῖς.

¹⁰ КБН, 1243.

¹¹ Ἑλληναρχῆς — КБН, 1237, 1242, 1243, 1245—1248, 1250, 1251а.

¹² Ἀρχὼν Ταναετῶν — КБН, 1242, 1245, 1251, 1251а; ἀρχὼν Ταναεῶς — КБН, 1237.

¹³ Жебелев, ук. соч., стр. 43.

¹⁴ В. В. Латышев, Ποντικά, СПб., 1909, стр. 128.

реально существующее членение, но благодаря общности торговых интересов город стал жить единой жизнью, и эллины отличались от танаитов более всего по названию¹⁵. К. М. Колобова при освещении этого вопроса обращает внимание на постоянно повторяющуюся в строительных надписях формулу τῆ πόλει καὶ τῷ ἐμπορίῳ (или τοῖς ἐμπορίοις), и хотя она и не считает возможным проводить строгую параллель между делением на πόλις и ἐμπόριον, с одной стороны, и Ἑλλήνες и Ταναεῖται, с другой, все же полагает, что в основе этой формулы лежит территориальная обособленность города (πόλις), огороженного стенами, от места торга с приезжими купцами (ἐμπόριον), находящегося вне городских стен¹⁶. В. Ф. Гайдукевич разделил точку зрения К. М. Колобовой, что внутреннее административное деление города на «эллинов» и «танаитов» могло быть связано с делением города, выраженным в надписях понятием πόλις и ἐμποροί, что означало город и торговую часть. Каждая из названных частей была, по-видимому, заселена какой-то определенной в этническом отношении массой жителей¹⁷. Но в позднейшей своей работе он высказал иное предположение: «эллинарх» был администратором города, а «архонты танаитов» управляли окружавшей город хорой и ее жителями — «танаитами»¹⁸.

Раскопки городища возле Недвиговки дали достаточно ясный ответ на ряд вопросов, попытка решения которых ранее могла ограничиться лишь областью более или менее логичных предположений. Выяснилось, что в III—I вв. до н. э. город занимал более обширную территорию, чем в последующие века своего существования; он состоял из двух поселений: одно из них находилось на месте основного четырехугольника городища, другое, занимавшее значительно меньшую площадь, непосредственно примыкало к нему с запада, к монументальной западной стене основного поселения. Каждое имело свой самостоятельный пояс оборонительных стен. Остатков жилых построек, относящихся к последним векам до нашей эры, на основной территории городища, на участках, исследованных до настоящего времени, почти не сохранилось. Что же касается оборонительных сооружений, то крепостная стена III—II вв. до н. э., хотя и сооруженная из камней неправильной формы и лишь слегка подтесанных, на глине, сложена тем не менее тщательно и имеет правильную прямую линию. Были и башни. Внешние углы башни и углы стен, образующие проем в крепостной стене, сложены из тесаных, хорошо пригнанных и преимущественно рустованных блоков¹⁹. Оборонительная стена западного поселения сложена из необработанных камней гораздо менее искусно; линия ее искривлена, ширина неравномерна, башен нет. Довольно хорошо сохранились остатки каменных жилых построек западного поселения, относящиеся к эллинистическому времени. Обращает на себя внимание отсутствие правильной планировки: вместо прямых улиц — узкие извилистые проходы между домами; не соблюдена прямоугольная форма построек, углы домов то острые, то тупые, или вместо углов — дугообразно закругленные стены; сама кладка стен далеко не отличается мастерством²⁰. Эти наблюдения и ряд других особенностей материальной культуры того и другого поселения дали основание заключить, что восточный участок города и есть основанный боспорскими греками Танаис, а примыкавшее к нему с запада поселение было поселком аборигенов — «танаитов», возникшим возле стен нового города вскоре после его основания²¹. Таким образом, можно сделать вывод,

¹⁵ К н и п о в и ч, Танаис, стр. 101 сл.

¹⁶ К. М. Колобова, К вопросу о судовладении в древней Греции, ИГАИМК, вып. 61, 1933, стр. 70.

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 344.

¹⁸ В. Ф. Гайдукевич, Боспор и Танаис в доримский период, сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 304.

¹⁹ А. И. Болтунова, Раскопки Танаиса, сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 84.

²⁰ Болтунова, Ранний Танаис, стр. 84—85; Д. Б. Шелов, Эллинические и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных, сб. «Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes», В., 1961, стр. 115.

²¹ А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 93—94; она же, К истории Танаиса, стр. 197—199.

что в начальный период своего существования город состоял из двух обособленно живших общин: «эллинов» — боспорских греков, основавших Танаис, и «танаитов» — аборигенов, принявших в жизни города активное участие. Каких-либо следов борьбы между этими двумя разнотническими общинами, которую предполагала Т. Н. Книпович, археологический материал не отражает.

В постоянно встречающейся формуле строительных надписей τῆ πόλει καὶ τῷ ἐμπορίῳ С. А. Жебелев и другие исследователи видят обычно лишь подчеркнутое исключительно торговое значение Танаиса; ту важную роль, которую играло «проживавшее в нем торговое сословие»²²; при этом вопрос о существовании в Танаисе выделенного за стены города места торга, которое предполагала К. М. Колобова, до недавнего времени оставался открытым. В 1965 г. случайная находка стоящих рядом пифосов *in situ* в одном из дворов местных жителей к югу от городища, в приречной низменной полосе, а также сохранившиеся в нескольких местах отдельные остатки древних каменных кладок и находки амфор и античных монет в этом районе подтверждают предположение К. М. Колобовой о том, что в Танаисе торжище было расположено вне городских стен, на берегу реки, где была корабельная пристань и разгружались товары.

Исходя из представления о Елисаветовском городище, как о «раннем» Танаисе, С. А. Жебелев заключал, что город был, следовательно, основан во второй половине V в. до н. э. еще первыми Спартокидами, и полагал, что позже, «при слабых Спартокидах во второй половине III и уже наверное во II в. Танаис вряд ли принадлежал им». Теперь мы знаем, что Танаис с самого начала был основан возле Недвиговки и произошло это не при первых Спартокидах, а в начале III в. до н. э., т. е. в период начавшегося ослабления мощи боспорского государства. Сопоставление данных археологических исследований с нарративными источниками приводит к выводу, что основанный боспорскими выходцами эмпорий с самого начала оформился и развивался как вполне автономный, политически независимый от Боспора полис²³; таким образом, и этот вывод совпадает с представлением С. А. Жебелева о независимом от Боспора положении Танаиса в III—II вв. до н. э.

Территориально обособленное существование двух разнотнических общин в Танаисе, как показали результаты раскопок, относится к раннему периоду жизни города, периоду его независимости от боспорского государства. Между тем эпиграфические документы, отразившие это деление жителей города и сохранившие некоторые сведения о внутренней политической его структуре и о номенклатуре должностных лиц, относятся к значительно более позднему времени, когда эта первоначально сложившаяся территориальная обособленность «эллинов» и «танаитов» практически уже отошла в прошлое. Однако следует думать, что данные надписей действительно отразили в основном организацию внутреннего управления города в том виде, как она сложилась первоначально, когда боспорские греки, прочно обосновавшись на новом месте, приступили к организации своего полиса, а возле их стен создали свой поселок аборигены.

Во главе каждой из общин стояли архонты. Круг полномочий и обязанностей архонтов Танаиса, как высших магистратов города, был, вероятно, обширен, хотя строительные надписи отразили только одну сторону их деятельности — заботу о строительстве городских оборонительных сооружений и о городском благоустройстве. Сколько архонтов избирала себе каждая община, неизвестно. Эллинарх упоминается всегда один, архонт танаитов — обычно один, хотя в одной из надписей 220 г. н.э. поименованы четыре архонта танаитов²⁴. Это обстоятельство было отмечено С. А. Жебелевым, который предположил, что при упоминании в надписях одного архонта танаитов имеется в виду «старший член коллегии»²⁵. По всей вероятности, во всех

²² Жебелев, ук. соч., стр. 43—44; ср. Д. Б. Шелов, Экономическая жизнь Танаиса, сб. «Античный город», М., 1963, стр. 115 сл.

²³ Шелов, Боспор и Танаис в III—I вв. н. э., стр. 34—46.

²⁴ IOSPE, II, 430 = КБН, 1245.

²⁵ Жебелев, ук. соч., стр. 43, прим. 3.

случаях упоминания в надписях одного эллинарха или одного архонта танаитов следует видеть в них архонта-эпонима. В одной фрагментированной надписи упоминается «лохаг танаитов». Это позволяет предположить, что каждая община имела и свои воинские контингенты²⁶.

Из текста надписи, найденного в 1965 г., мы впервые узнаем о существовании в Танаисе должности простатов, неизвестной в других городах Северного Причерноморья. Простаты упоминаются в надписях VI—II вв. до н.э. во многих государствах Средиземноморья и Эгеиды. Специфический контекст этой должности в надписях (*προστάτης τῆς βουλῆς; προστατης τῶν προβούλων; ἔδοξε τῆ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ γυνῶμα προστατῶν*) позволяет заключить, что главной функцией простатов была подготовка проектов решений, передаваемых на утверждение их Советом²⁷. Несомненно, в процессе исторического развития и в связи с различием местных условий содержание и характер функций простатов в различных государствах могли варьироваться в деталях. Из четырех «эпимелетов стены», упомянутых в новой надписи из Танаиса, трое — простаты²⁸. Эта должность, как и другие танаидские магистратуры, была, по всей вероятности, учреждена также в ранний период существования города. В пользу этого предположения напомним, что простаты, в значении полисной магистратуры, в других греческих государствах известны из надписей IV в. и эпохи раннего эллинизма. *Προστατεία* — магистратура чисто греческая, и в Танаисе она была учреждена, несомненно, в общине «эллинов». То же следует сказать и о должности «диадоха» (КБН, 1250), в котором, как думают, надо видеть кандидата в эллинархи²⁹, и просодика. Этот последний, судя по названию, управлял ведомством общественных доходов. То обстоятельство, что в единственной надписи, где упомянут *προσδοικός*, эту должность в прошлом исполнял эллинарх (КБН, 1247), организация ведомства доходов также была связана с общиной «эллинов».

Боспорские поселенцы имели в своей метрополии на Боспоре значительно более сложную политическую и социальную структуру, чем патриархальные аборигены. Обосновавшись возле устья Танаиса, боспорские выходцы организовали свой полис согласно нормам, сложившимся в греческих государствах. В то же время аборигенное население, с его гораздо более примитивным укладом, не могло, да и не имело нужды создавать в своей среде сложное разделение функций по управлению общиной.

Около нашей эры город постигла катастрофа. Раскопки показали следы сплошного пожара и разрушений. Следует думать, что это и есть результат карательного похода Полемона. Был ли Танаис разрушен Полемоном? — спрашивает С. А. Жебелев. Тщательно анализируя каждое слово текста Страбона и специально выражение *ἔξεπύρρησεν*, С. А. Жебелев сопоставляет значение глагола *ἐκπύρθεω* в соответствующем контексте греческих писателей, и приходит к выводу, что слово это чаще означало не полное окончательное разрушение, как глагол *κατασκάπτω*, а скорее «разорение», «разгром», «грабеж». Рассмотрев затем историческую ситуацию, сложившуюся на Боспоре и в области Нижнего Дона на рубеже нашей эры, Сергей Александрович так расценивает акцию Полемона: «он отправил в Танаис вооруженный отряд, который и разгромил город. Это была... карательная экспедиция, сопровождавшаяся убийст-

²⁶ А. И. Болтунова, Из черновики В. В. Латышева, ВДИ, 1951, № 2, стр. 120 слл.; ср. КБН, 1251а. Надписи не сохранили названия военачальника танаидских «эллинов». Утверждение К. М. Колобовой («Политическое положение городов в Боспорском государстве», ВДИ, 1953, № 4, стр. 66, прим. 2), что у «эллинов» Танаиса засвидетельствована должность «стратега граждан» (*στρατηγὸς πολιτῶν* — IOSPE, II, 423), основано на недоразумении: цитированный ею эпиграфический текст не дает никаких оснований упомянутого там «стратега граждан» Зенона, сына Дада, отнести к числу должностных лиц Танаиса (ср. К и п о в и ч, Танаис, стр. 94, прим. 4). Поэтому предположение, что военачальник танаидских «эллинов» по аналогии с «лохагом танаитов» также носил название лохага, кажется наиболее вероятным.

²⁷ H. S c h a e f e r, RE, Supplbd IX, стб. 1290—1291.

²⁸ Болтунова, Новая строительная надпись из Танаиса, стр. 47, сткк. 12—13.

²⁹ К и п о в и ч, Танаис, стр. 96, со ссылкой на мнение П. М. Леонтьева и И. В. Помяловского.

вами, грабежами. Но до разрушения города дело не дошло... Самый город продолжал существовать»³⁰.

Какую же картину несчастья, постигшего город, раскрыли нам раскопки? Было ли разрушение тотальным? По-видимому — нет. Раскопки западного участка, т. е. предполагаемого места обитания общины «танаитов» показали полное и преднамеренное разрушение только оборонительных стен, сплошной пожар и сравнительно небольшое разрушение жилых домов, своевременно покинутых жителями. Разрушению подверглась и западная оборонительная стена основного городища, отделявшая город «эллинов» от поселка «танаитов». Пожар и погром имели место и в восточной, греческой, части города. По-видимому был учинен разгром, сопровождавшийся не только грабежами и убийствами, но и частичными разрушениями, т. е. полным или почти полным разрушением оборонительных стен, что делало город практически беззащитным. Однако Сергей Александрович был прав: город уничтожен не был и не прекратил своего существования, хотя западный участок после погрома был окончательно заброшен, и жизнь в дальнейшем продолжала развиваться только на площади восточного поселения, где и сосредоточились все жители города и где продолжалось городское строительство.

В течение I в. н. э. оборонительные стены ни западного, ни восточного поселения не восстанавливались, и новые жилые дома воздвигались поверх руин западной оборонительной стены основного городища; отдельные строения возникали и поверх мусорных свалок, покрывших остатки заброшенного западного поселения, и над развалинами его северной оборонительной стены. Город продолжал жить интенсивной жизнью³¹.

Чем же мог Танаис вызвать гнев Полемона? Когда и в чем выразилось его неповиновение, о котором упоминает Страбон³²? Задача овладения устьем реки Танаиса путем прочного подчинения живших в тех краях племен, а также и распространившего на них свою власть Танаиса³³, была поставлена правителями Боспора, возможно, еще в период правления Митридата Евпатора. Вряд ли следует считать чистой случайностью, что первое упоминание города Танаиса в античной литературе дошло до нас от Александра Полистора³⁴. Этот писатель был современником митридатских войн, жил в Малой Азии и был там взят в плен римлянами. Можно предполагать, что он был в курсе политических мероприятий понтийского царя и на северо-восточной периферии его владений. С. А. Жебелев полагал даже, что во времена Митридата и его преемников город Танаис входил в состав боспорской державы и только во времена Полемона отложился от Боспора; вот тогда то, в ответ на отказ жителей Танаиса от покорности, Полемон и осуществил свой карательный поход³⁵.

Согласно тексту Страбона, из всех азиатских местов одни подчинялись правителям эмпория на реке Танаисе, а другие — правителям Боспора. Власть города Танаиса распространялась, очевидно, на те племена, которые примыкали к устью Дона с востока. Положение, однако, было неустойчивым, так как временами эти племена отпадали, а иногда подчинялись боспорским правителям. Страбон специально отмечает, что ближайшим преемникам Митридата, Фарнаку, Асандру и Полемону, удавалось распространить свое господство до реки Танаиса³⁶. Однако для прочного подчинения

³⁰ Жебелев, ук. соч., стр. 42—43.

³¹ С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 40) отмечает неправильное толкование текста Страбона (XI, 2,3): *ἢ δ' ἐμπόριον κοινόν τῶν τε Ἀσσυρίων καὶ Ἑβραίων νομάδων* в SC в том смысле, что Танаис раньше (т. е. до разрушения его Полемоном) служил общим эмпорием: в греческом тексте слова «раньше» нет. Он совершенно справедливо опровергает ни на чем не основанное утверждение В. В. Латышева, будто бы во времена Плиния город Танаис лежал в развалинах. В соответствующем отрывке Плиния (NH, VI, 7) речь идет не о городе Танаисе и его жителях, а о племени «танаитов», которое было якобы поголовно истреблено скифами (ук. соч., стр. 42).

³² Strabo, XI, 2, 3: *ἐξ ἐπὶ ῥήτρην Πολέμων ὁ βασιλεὺς ἀπειθοῦσαν*.

³³ Strabo, XI, 2, 11.

³⁴ Steph. Byz., s. v. Τάναϊς.

³⁵ Жебелев, ук. соч., стр. 42—43.

³⁶ Strabo, XI, 2, 11. Ср. Шелов, Боспор и Танаис, стр. 44.

обитателей этих областей необходимо было привести к покорности и сам эмпорий. Скорее всего Полемон и был первым, кто взял на себя задачу осуществить это силой оружия. Наказав Танаис за отказ подчиниться, Полемон вскоре погиб. Как сложились взаимоотношения между Танаисом и Боспором во время последовавшего затем единоличного правления Динамии, мы не знаем; скорее всего город с того времени считался присоединенным к Боспору. При Аспурге племена, жившие в низовьях Дона, были уже окончательно подчинены Боспору, поскольку в титулатуре этого царя, наряду с тарпитами, значатся также и танаиты³⁷.

Что же касается политических взаимоотношений Аспурга с городом Танаисом, то какое-то урегулирование было достигнуто еще в первые годы его правления. Вывод об этом можно сделать из анализа надписи, датированной 104 г. н. э. и изданной Т. Н. Книпович³⁸. В этой надписи фиаситов, «справляющих день Танаиса», А. Салач обратил внимание на не отмеченную Т. Н. Книпович в конце строки 5 букву ϑ и возле поврежденного края плиты — остатки буквы π. А. Салач усмотрел в этих буквах обозначение двузначного числа 89³⁹. Следующая строка начинается словами *ἡμέραν Ταναίβοϑ*. Таким образом, если в 104 г. «день Танаиса» справлялся в 89 раз, учреждение его следует отнести к 15 г. н. э. А. Салач склонен объяснять эту дату как дату либо основания города у Недвиговки, либо возобновления его после разрушения Полемоном (в зависимости от того, где следует локализовать тот Танаис, который был разрушен Полемоном, у станицы Елисаветовской или у Недвиговки. Вторую возможность А. Салач считал более вероятной). В настоящее время все то, что мы знаем о времени возникновения города Танаиса и об его локализации, о его независимом от Боспора положении в III—I вв. до н. э., о разорении его Полемоном и дальнейшем его развитии, заставляет предполагать, что 15 г. н. э. оказался для граждан Танаиса той знаменательной датой, с которой было связано взаимоприемлемое урегулирование между Аспургом и городом Танаисом, установление его статуса в системе боспорского государства, которое обеспечивало ему дальнейшее мирное существование и развитие⁴⁰.

За время с начала I до середины III в. н. э. город Танаис достиг особенно высокого экономического процветания. В этот период жизни города существовавшее ранее территориальное обособление двух разнотнических общин стало уже достоянием прошлого. Этно-культурные различия между обеими группами населения все более нивелировались, а постоянный приток новых этнических групп в состав населения Танаиса содействовал этническому смешению и прогрессирующей варваризации всего культурного облика города. Но среди жителей города, как свидетельствуют надписи, даже и в этот период продолжало сохраняться издревле сложившееся традиционное деление на «эллинов» и «танаитов»; первые — считавшие себя потоками греческих колонистов, и вторые — связанные происхождением с поселившимися в городе выходцами из окрестных племен. Деление это находило свое отражение в том, что каждая из двух групп

³⁷ КБН, 39 и 40. Первая из этих надписей относится к 23 г. н. э.; вторая, судя по характеру письма (форма букв, наличие лигатур), — более позднего времени.

³⁸ Книпович, Танаис, стр. 117; ср. КБН, 1259.

³⁹ A. S a l a č, При устье Тихого Дона, «Pražska universita moskovské université. Sborník k uročí 1755—1955», Praha, 1955, стр. 215—217. На правильности восстановления буквы π А. Салач, не видевший камень, не настаивал, однако вероятность этого восстановления подтверждается тем, что у края излома плиты видны нижний и верхний концы левой вертикальной *hasta* предполагаемой буквы π.

⁴⁰ Ср. Б о л т у н о в а, К истории Танаиса, стр. 204. Интересно отметить, что дата предполагаемого учреждения «дня Танаиса» — 15 г. н. э. — совпадает с датой рескриптов Аспурга в отношении города Горгишши, предоставлявших горгишшицам ряд экономических льгот, как воздаяние за их лояльность во время его путешествия в Рим (Т. В. Б л а в а т с к а я, Рескрипты царя Аспурга, СА, 1965, № 2, стр. 197—209; о н а ж е, Аспург и Рим в 15 г. н. э., СА, 1965, № 3, стр. 28—37). По-видимому, Аспург вскоре по возвращении из путешествия в Рим, где он получил утверждение на царском престоле, занялся урегулированием отношений с городами. Что же касается Танаиса, то установление приемлемого для этого города статуса при условии подчинения его центральному боспорскому правительству обеспечивало и прочность подчинения племен, обитавших в северной части Приазовья, тяготивших к Танаису и отличавшихся наибольшей воинственностью.

населения была возглавлена своими архонтами и в городском ополчении имела, по-видимому, своего военачальника — лохага. Однако при всем этом полисная администрация Танаиса представляла единый, тесно спаянный организм, где правящий слой и «эллинов» и «танаитов» был связан общими интересами в сфере социальной, экономической и политической жизни.

При Аспурге, как известно, были созданы административные округа, в состав которых вошли все крупнейшие древние города Боспора; некоторые из них, как Феодосия, Горгингия, стали административными и фискальными центрами, резиденциями царских наместников. В таких городах был размещен развитой штат царских чиновников; политическая, экономическая и общественная жизнь регулировалась и контролировалась там царским административным аппаратом. С Танаисом, вошедшим лишь недавно в систему боспорского государства, была создана иная форма отношений. Положение его в системе боспорского государства существенно отличалось от положения других крупных городов Боспора, таких как Фанагория, Гермонасса, Горгингия, Феодосия, что следует объяснить особенностями исторического развития Танаиса. Этот город вместе с тяготевшей к нему экономической округой⁴¹ не составил особого административного округа и не вошел в состав ни одного из них. Подчинение его Боспору, как можно предполагать на основании данных раскопок, гарантировалось запрещением восстанавливать разрушенные Полемоном оборонительные стены. В то же время связь Танаиса с центральным правительством осуществлялась через посылавшегося царем в эмпорий легата («посла»), что обеспечивало Танаису гораздо большую свободу в его внутренней жизни.

Упоминание посла царя встречается в надписях Танаиса, начиная со времени правления Тиберия Юлия Евпатора и кончая правлением Иниффимея⁴². По вопросу правления Тиберия Юлия Евпатора и кончая правлением Иниффимея⁴². По вопросу о том, откуда, из каких слоев общества назначались послы, С. А. Жебелев пишет, что царь выбирал их обыкновенно из числа высших боспорских должностных лиц (или из οἱ ἐπὶ τῆς βασιλείας или из οἱ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν)⁴³. Т. Н. Книпович пишет, что в отдельных случаях на эту должность назначались лица из числа известных и знатных боспорских случаев на эту должность назначались лица из числа известных и знатных боспорских случаев, деятельность которых протекала ранее в центральных районах Боспора, но отмечает, что обязанность послов иного рода, когда обязанности посла царя возлагались на представителя танаидской знати, как это было с Хофрасмом, сыном Форгабака⁴⁴. В комментарии к изданию надписи, найденной в Танаисе в 1965 г., мною было отмечено⁴⁵, что назначение послов из числа знатных боспорцев практиковалось, по-видимому, до конца II в. н. э.⁴⁶ Но уже в начале III в. н. э. сложилось, по-видимому, иное положение: в качестве посла Рескупорида III фигурирует в 220 г. Зенон, сын Фанна (КВН, 1245), которого следует считать скорее гражданином Танаиса, поскольку обязанности посла он совмещал с участием в восстановлении агоры в качестве эпимелета, и в том же году состоял в синоде почитателей «бога высочайшего» в качестве фисота (КВН, 1278, 7). Как обязанности эпимелета, так и скромная роль в религиозном союзе плохо вяжутся с положением знатного боспорца, присланного царем из столицы. Скопее всего присвоение Зенону, сыну Фанна, высокого звания «начальника Аспургианов» произошло позже⁴⁷, и свидетельствует о дальнейшем продвижении его по пути карье-

⁴¹ Ряд древних поселений, исследованных вдоль правобережья низовьев и дельты Дона от Аксая до ж.-д. ст. Хапры и поселение на левом берегу дельты возле Азова были тесно связаны с Танаисом не только экономически, но, по-видимому, зависели от него и в политическом отношении. Обзор этих поселений см. Книпович, Танаис, стр. 128—149. За последние годы благодаря широко развернувшимся археологическим исследованиям по всей области Нижнего Дона получен новый обширный материал, уточняющий хронологические границы их существования и характеризующий их экономическую и культурную жизнь.

⁴² КВН, 1237, 1239, 1241, 1243, 1245, 1246, 1248, 1249, 1250, 1252.

⁴³ Жебелев, ук. соч., стр. 43.

⁴⁴ Книпович, Танаис, стр. 94—95.

⁴⁵ Болтунова, Новая строительная надпись из Танаиса.

⁴⁶ К числу таких лиц следует отнести послов царя, упомянутых в надписях КВН, 1237, 1239, 1241, 1243.

⁴⁷ КВН, 1246 и 1248. Обе эти надписи фрагментированы и обозначение даты на них не сохранилось.

ры. В 236 г. в роли посла царя Иниифимея выступает Хофрасм, сын Форгабака (КБН, 1250 и 1252), коренной танаит; он многократно упоминается в надписях 220—236 гг.⁴⁸, что дало Т. Н. Книпович возможность подробно осветить его *cursus honorum*⁴⁹. Хофрасм, сын Форгабака, принадлежал к знатному и богатому местному роду⁵⁰, связанному в Танаисе с общиной «танаитов». Он вкладывал неоднократно свои собственные деньги в капитальное строительство (два случая ремонта ворот на личные средства Хофрасма, сына Форгабака), играл очень значительную роль в местной общественной и политической жизни и пользовался очень большим влиянием. Назначение его послом царя Иниифимея явилось блестящим завершением его карьеры.

Запрещение восстанавливать оборонительные стены продолжалось около столетия, в течение которого город непрерывно развивался и росло его благосостояние. К концу I — началу II в. н. э., в связи с возросшей активностью племен на северо-восточной периферии царства, возникла тревожная обстановка, обусловившая необходимость в хорошо укрепленных форпостах в пограничных областях царства. Танаис нужно было превратить в мощную крепость. Чтобы снять запрещение иметь стены, инициативу их восстановления должен был взять на себя царь. Самая ранняя из известных нам строительных надписей Танаиса установлена от имени царя Савромата I и сообщает о восстановлении каких-то «находившихся в небрежении» городских сооружений⁵¹. Данные раскопок показали, что древняя полуразрушенная стена III — начала II вв. до н. э., остатки которой раскрыты в юго-западном углу основного городища, на рубеже I—II вв. н. э. была укреплена дополнительным панцирем и надстроена в высоту. Тогда же был сооружен и ров перед западной оборонительной стеной⁵². В северо-восточном углу городища вскрыты остатки мощной оборонительной стены того же времени⁵³. Надпись Савромата I из Танаиса не сохранила точной даты. Но следует думать, что она имеет связь с цитированной выше надписью фиаситов, «справляющих день Танаиса» и скорее всего должна быть датирована тем же 104 г. Восстановление стен и устройство рва создавали городу условия для его безопасного развития, и событие это должно было послужить поводом того, что 89-е празднование «дня Танаиса» было проведено особенно торжественно и отмечено установленным памятником⁵⁴.

Работами, осуществленными от имени Савромата, было положено начало непрерывным работам по ремонту и возведению крепостных сооружений. В середине II в. н. э. восстановление обветшалых стен производилось от имени царского посла (КБН, 1241), а начиная с последних десятилетий II в. н. э., как указывают надписи, делом восстановления разрушенных и обветшалых стен, башен и ворот занимались уже городские власти Танаиса. В начале III в. н. э. положение Танаиса стало, вероятно, еще более тревожным. С 220 по 236 г. сведения надписей о строительных работах особенно обильны (КБН, 1245—1252). Восстанавливались северная и южная стены, башни, отстраивалась агора, ремонтировались и перестраивались ворота. Из надписи, найденной в 1965 г., мы узнаем, что при Котисе III были предприняты большие работы

⁴⁸ КБН, 1245, 1246, 1248, 1250, 1252, 1278 и в надписи, найденной в 1965 г.

⁴⁹ Книпович, Танаис, стр. 94—95.

⁵⁰ Имена *Хофрасмос* и *Форгабахос* нигде, кроме Танаиса, до сих пор не встречались. Исследователи отмечали их иранское (но не персидское) происхождение и связывали их с осетинским языком: L. Z g u s t a, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 165, 171, 435. Я. Харматта в своем выступлении на конгрессе антиковедов в 1967 г. в Герлице отнес оба эти имени к числу аланских.

⁵¹ А. И. Болтунова, Греческие надписи в донских музеях, НЭ, V, 1965, стр. 75—76.

⁵² А. К. Коровина и Д. Б. Шелов, Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.), сб. «Древности Нижнего Дона» (МИА, № 127), М., 1965, стр. 23, 33, 35.

⁵³ Д. Б. Шелов, Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.), там же, стр. 113—115 и 117.

⁵⁴ Болтунова, К истории Танаиса, стр. 208.

по реконструкции западной стены, за которыми наблюдала специальная комиссия «эпимелетов стены»; в состав этой комиссии входили и простаты.

Для строительных работ в Танаисе последних десятилетий II и первой половины III в. н. э. характерно, что все работы велись городскими властями Танаиса, а не правительством Боспора. При этом строительство как оборонительных сооружений, так и общественных зданий осуществлялось нередко на личные средства самих должностных лиц или иных представителей городской знати⁵⁵.

В первые века нашей эры Танаис составлял нераздельную часть боспорского государства. Между тем уже само обилие эпиграфических документов, оставленных должностными лицами города, рисует его как вполне сохранивший свою внутреннюю автономию аристократический полис, отражает интенсивность его общественной жизни и большую активность городских властей.

Помимо военно-стратегического значения Танаиса для Боспора, немалую роль играли интересы экономические: через Танаис шел оживленный обмен товарами с областью Подолия и даже Нижнего и Среднего Поволжья. Кроме того рынок Танаиса был крупным поставщиком рабской силы. Поэтому в деле укрепления обороноспособности Танаиса и в оказании ему военной помощи были равно заинтересованы и жители этого города и правители Боспора.

Около середины III в. н. э. Танаис одним из первых городов Боспора принял на себя удар племен готов, боранов или их союзников. Он был сожжен и полностью разрушен, а население его угнано или уничтожено. После этого город лежал в развалинах в течение почти целого столетия.

А. И. Болтунова

WAS TANAÏS DESTROYED BY POLEMON?

by A. I. Boltunova

«Was Tanaïis destroyed by Polemon?» — such was the title of a study by S. A. Zhebelev, in which the author took up several important questions relating to the social and political history of Tanaïis and rejected the idea that Tanaïis was so completely destroyed by Polemon that the city was even transferred to another site. Zhebelev worked on this study, which was published in 1935, at a time when he could not make use of archaeological data, but based his conclusions entirely upon Strabo and the epigraphical evidence. The results of thirteen years of systematic excavation have made it possible to document the answer to the chief question raised by Zhebelev and to shed light on a number of other questions he raised about the city's history. Tanaïis was founded by emigrants from Bosphorus at the beginning of the third century B. C. and until the time of Polemon it developed as an independent polis. The necessity for its subjection arose in connection with the need to subjugate finally the Maeotic tribes along the northeastern part of the Azov seacoast, who came under the political influence of Tanaïis. Excavation data attest the punishment visited upon Tanaïis, but confirm Zhebelev's thesis that the city was not completely destroyed and continued in existence; only its walls were fully destroyed; the prohibition against rebuilding them guaranteed the city's subjection to the Bosphoran rulers. In the reign of Aspurgus the status of Tanaïis in relation to the Bosphoran kingdom was established: the tie between Tanaïis and the Bosphoran government was maintained by an official emissary of the king to Tanaïis; this secured for the city more freedom in managing its domestic affairs than was enjoyed by other large cities of Bosphorus which were included in the network of administrative regional divisions and governed by royal appointees.

⁵⁵ КВН, 1244, 1245, 1247, 1249, 1252, 1257 и надпись, найденная в 1965 г.